

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

21 – 23 июня 2012

Российский потенциал в действии

КАКУЮ ПЕНСИЮ ДОЛЖНЫ ПОЛУЧАТЬ СЕГОДНЯШНИЕ 30-ЛЕТНИЕ?

Панельная дискуссия

21 июня 2012 — 16:00 – 17:15, Павильон 5, Зал 5.2

Санкт-Петербург, Россия

2012

Модератор:

Игорь Виттель, Телеведущий, РБК-ТВ

Выступающие:

Антон Дроздов, Председатель правления, Пенсионный фонд России

Ольга Голодец, Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации

Олег Киселев, Председатель совета, НПФ «Ренессанс жизнь и пенсия»

Алмас Курманов, Руководитель, Государственный фонд социального страхования Республики Казахстан

Татьяна Малева, Директор, Институт гуманитарного развития мегаполиса (ИГРМ)

Михал Рутковски, Региональный директор по России, Всемирный банк

Гельмут Шварцер, Главный эксперт по социальным вопросам стран Американского континента, Международная организация труда

Оле Сеттергрэн, Главный актуарий пенсионной системы Швеции, Пенсионное агентство Швеции

Игорь Юргенс, Председатель правления, Институт современного развития; председатель комитета по развитию пенсионных систем и социальному страхованию, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП)

И. Виттель:

Думаю, мы можем начинать. Еще раз добрый день, уважаемые дамы и господа! Я с удовольствием открываю нашу сессию, которая называется «Какую пенсию должны получить сегодняшние 30-летние?». Мы сегодня поговорим о тех вызовах, которые стоят перед пенсионными системами различных стран, о рисках, которым подвержена сейчас пенсионная система, и о путях решения этих проблем.

Я прошу вас приветствовать участников нашей сессии аплодисментами. У нас сегодня в гостях: Ольга Голодец, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации; Гельмут Шварцер, главный эксперт по социальным вопросам департамента социального обеспечения Международной организации труда. Прошу поаплодировать ему. Татьяна Малева, руководитель экспертной рабочей группы по реформе пенсионной системы в рамках подготовки «Стратегии-2020», директор Института гуманитарного развития мегаполиса; Михал Рутковски, Всемирный банк, директор по России, Европе и Центральной Азии; Оле Сеттергрэн, главный актуарий пенсионной системы Швеции и Пенсионного агентства Швеции;

Алмас Курманов, руководитель Государственного фонда социального страхования республики Казахстан; Олег Киселев, председатель совета НПФ «Ренессанс жизнь и пенсия»; Игорь Юргенс, вице-президент и председатель комитета РСПП по развитию пенсионных систем и социальному страхованию; Антон Дроздов, председатель правления Пенсионного фонда России.

Для тех, кто не знает: меня зовут Игорь Виттель, я ведущий телеканала РБК, и я буду сегодня модератором этой секции. Прошу еще раз поприветствовать Ольгу Юрьевну Голодец, заместителя председателя Правительства Российской Федерации. Ольга Юрьевна, Вам слово.

О. Голодец:

Добрый день, уважаемые коллеги! Я хочу поблагодарить всех, кто сегодня собрался для обсуждения важнейшей для страны темы, — пенсионной

реформы. Эта тема не может оставить равнодушным никого. Мне хотелось бы поделиться с вами некоторыми мыслями, которые не могут, как мне кажется, выпасть из поля зрения при любом обсуждении развития нашей пенсионной системы.

Первое: сегодня пенсия в Российской Федерации имеет очень понятные параметры. Она не очень высокая, но и не очень низкая. Сегодня мы перешагнули порог средней пенсии в 9 300 рублей в месяц. Это выше прожиточного минимума. Для бедных регионов это — существенная сумма, и сегодня по 17-ти регионам коэффициент замещения выше 60%. Пенсия, скорее, играет роль страхования от бедности. Сегодня это мощный инструмент защиты граждан, и мы сейчас можем проводить дифференциацию по возрасту, потому что сегодня у людей 85 лет и старше пенсия выше. Например, у ветеранов войны разных категорий пенсия составляет 23 тысячи рублей в месяц. К сожалению, пенсия никоим образом не привязана значимо и ощутимо к трудовому вкладу человека. И, к сожалению, реальная пенсия очень мало зависит от сбережений, накоплений, труда и так далее. Разрыв между социальной пенсией и трудовой пенсией, если говорить глобально, все-таки не ощутим.

Вместе с тем, эта пенсионная система поддерживается еще одним очень важным параметром — относительно невысоким уровнем налоговых сборов. То есть если сравнивать с любой другой системой, мы имеем относительно невысокий уровень налогов. Дело в том, что существует некоторая привычка, в том числе у общества, не платить много и не обеспечивать высокий коэффициент замещения через систему налоговых сборов.

При этом все-таки есть потребность, есть некоторые категории людей, которые более жестко обозначают свое отношение к пенсионной системе, которые остались как бы за ее рамками, и обсуждение пенсий в их отношении требует совершенно иного разговора. Это прежде всего молодые люди, а также люди, которые эффективно работают, даже находясь недалеко от пенсионного возраста, и чья пенсия, как мне кажется, должна выстраиваться

через систему накопительных пенсий, через корпоративные пенсии, через развитие новых финансовых инструментов. Мой вопрос, скорее, к экспертам: предлагаю поговорить именно на эту тему, которая выходит за рамки обычной, привычной государственной системы, которая довольно стабильна, которая по своим основным канонам более или менее понятна. А что стоит за пределами государственной системы? Как сегодня развиваются корпоративные системы, ведомственные системы, частные системы? Какой у них потенциал, могут ли они создать ту прибавку в коэффициенте замещения до 70%, которую мы ожидаем? Вот мой основной вопрос к экспертам. Я с удовольствием выслушаю мнение всех, кто будет участвовать в дискуссии. Большое спасибо.

И. Виттель:

Большое спасибо, Ольга Юрьевна. Я думаю, что после того, как выступят все присутствующие эксперты, мы зададим эти вопросы.

Слово Гельмуту Шварцеру, главному эксперту по социальным вопросам Международной организации труда. Прошу Вас, Гельмут.

Г. Шварцер:

Большое спасибо, дамы и господа. Во-первых, я бы хотел поблагодарить Министерство экономического развития и Пенсионный фонд Российской Федерации за приглашение МОТ принять участие в экономическом форуме столь высокого уровня и за предоставленную возможность обсудить такие ключевые вопросы, как будущее нашей системы социального обеспечения. Участвовать в дискуссионной панели со столь высоко квалифицированными коллегами — большая честь. Вопросы, поставленные здесь сегодня, очень важны и, несомненно, заслуживают всестороннего обсуждения, но я постараюсь уложиться в пять минут.

Несколько лет назад один пресс-консультант сказал мне, что нужно уметь изложить свою мысль за десять секунд: именно столько времени, как правило,

выделяется в вечерних телевизионных новостях. К счастью, здесь нам дают на несколько секунд больше.

Если сформулировать кратко, то, с точки зрения МОТ, при обсуждении пенсий будущего следует в первую очередь остановиться на трех ключевых аспектах: во-первых, это общая сумма гарантированных выплат, во-вторых — достаточность и адекватность пенсий, и в-третьих — устойчивость используемых схем.

Вопрос общих выплат чрезвычайно важен для МОТ, поскольку только около 20% населения мира имеет доступ к полному пакету социальных гарантий. С одной стороны, мы имеем дело с проблемой несоблюдения норм, что требует от государства решительных действий, направленных на расширение участия, в том числе в уже существующих программах. С другой стороны, часть населения не в состоянии выполнять условия пенсионных планов по взносам, и для того, чтобы старость этих людей не прошла в бедности, нам нужны некоторые базовые социальные пенсии или другие формы взносов. Что касается адекватности пенсий, то они должны обеспечивать достойную жизнь. Вот о чем говорит МОТ. Это означает, что должны соблюдаться минимальные коэффициенты замещения допенсионного дохода и другие основные стандарты, которые предусмотрены Конвенцией 102 «О минимальных нормах социального обеспечения». В частности, Конвенция 102 устанавливает минимальную норму замещения 40% от средней заработной платы работников. Насколько я понимаю, Россия рассматривает вопрос о ратификации этой важной конвенции МОТ, и мы приветствуем этот интерес. Что касается устойчивости, то прежде всего необходим надежный и решительный актуарный контроль схем, а также своевременное принятие мер по поддержанию их действия. Быстрое реагирование обычно открывает пути к компромиссным решениям, позволяющим действовать мягко, проводить постепенную адаптацию социально приемлемыми путями, по мере того как меняются численность и возраст населения.

Демографические изменения затрагивают все страны мира, это важная и сложная проблема, но с ней можно справиться. Ключом к решению этой проблемы может стать противодействие процессу старения населения с помощью комплекса мер, который включает поэтапное повышение пенсионного возраста и более широкое привлечение рабочей силы. Например, в некоторых странах можно повысить участие женского населения на рынке труда, а также обеспечить более надежную профилактику заболеваний, предупреждение травматизма на рабочем месте и инвалидности.

При увеличении пенсионного возраста необходимо разработать систему, которая позволит пожилым людям продолжать участвовать в рынке труда. Далее встает вопрос финансирования. Оптимальным выбором, который уже сделало большинство стран, я бы назвал сочетание взносов и налогов.

От лица МОТ я выражаю признательность Российской Федерации за сотрудничество, которое продолжается вот уже несколько лет. Мы с удовольствием продолжим сравнительный анализ накопленного опыта и поддержим развитие стратегий в любой момент, когда вам потребуется наша помощь. У нас будет второй раунд, и тогда я смогу кратко рассказать об опыте стран Латинской Америки и Европы. А пока что благодарю всех за внимание.

И. Виттель:

Большое спасибо, господин Шварцер.

Слово Татьяне Малевой, руководителю экспертной рабочей группы по реформе пенсионной системы в рамках подготовки «Стратегии-2020». Прошу Вас.

Т. Малева:

Спасибо. Уважаемые коллеги! Тот факт, что все страны мира сегодня столкнулись с новыми пенсионными вызовами, совершенно очевидно связан с некоторыми долгосрочными тенденциями, которые хорошо известны. Это, в первую очередь, демографические проблемы, связанные со старением

населения, и экономический кризис. Скажем так: это факторы, которые травмируют все пенсионные системы мира. Но у российской пенсионной системы — как, впрочем, и у многих других национальных систем, которые сформировались в разное время, в разных условиях и под влиянием разных обстоятельств, — есть несколько параметров, относительно которых мы тоже должны понимать, в чем состоит наша специфика.

В чем она заключается? Российская специфика, во-первых, имеет «родимые пятна» пенсионной системы советского периода. Это проявляется, в первую очередь, в относительно низком пенсионном возрасте, который мы унаследовали с советских времен. То же относится и к широко распространенной системе досрочного выхода на пенсию, что в конечном итоге приводит к тому же результату: низкому фактическому пенсионному возрасту.

Дальше у нас был этап трансформации 90-х годов, которые добавили специфики в нашу российскую систему. Это следующие параметры. Во-первых, вступило в силу правило двойных выплат: выплат и пенсий, и заработной платы — это приобретение 90-х. Кроме того, именно в тот период, когда стартовала пенсионная реформа, внутри нее боролись две функции, присущие любой пенсионной системе. Это борьба с бедностью, о которой говорила Ольга Юрьевна, и совершенно понятно, что пенсионная система должна выполнять эту функцию. А вторая функция, которая была заложена в пенсионное законодательство, — это функция страхования. Действительно, на протяжении всего последнего десятилетия функция борьбы с бедностью, в той или иной форме, в явном или неявном виде, всегда преобладала над всеми остальными функциями пенсионной системы.

Казалось бы, мы должны порадоваться тому факту, что российские пенсии преодолели порог бедности, и сказать: да, эта функция выполнена. Но, тем не менее, перед нами стоит вопрос: а что дальше? Этот вопрос встал именно сейчас, потому что на восстановление пенсий, которые упали с докризисного уровня (я имею в виду уровень 1991 года), страна потратила 20 лет. Сейчас

мы восстановили реальный размер пенсий, и перед нами точно так же стоит вопрос: на что должна ориентироваться российская национальная пенсионная система? На преодоление бедности, на страхование от бедности, или все-таки вспомнить о том, что страховая функция заключается несколько в ином — в страховании заработка? Вот этот стратегический вопрос нам и предстоит решить.

Экспертная группа все-таки считает, что в сложившихся экономических условиях, когда на авансцену экономической жизни выходит такая массовая группа, как российский средний класс, который уже не может удовлетворяться пенсиями в размере одного, полутора, двух прожиточных минимумов и которому нужно давать реальные экономические стимулы, — вот в этих условиях мы не можем однозначно сказать, что пенсионная система всем должна гарантировать страхование от бедности. В противном случае, мы не сможем создать единый экономический организм, который свяжет и рынок труда, и пенсии, и социальную защиту и который придаст нашей российской пенсионной системе некоторый стимулирующий характер. Дело в том, что сегодня доля российского среднего класса уже составляет 20%. Около 30% уже можно считать рекрутами среднего класса. И если мы будем отвечать на вопрос, который сформулирован в нашей сегодняшней повестке: так какую же пенсию будут получать 30-летние, когда будут выходить на пенсию? — так вот, если мы в 2050 году скажем, что вам гарантирован прожиточный минимум, это будет просто крах пенсионной системы.

Вот почему мы считаем, что внутри солидарной пенсионной системы можно много что сделать, чтобы расширить эти границы и ввести средний класс в полноценную пенсионную систему. Опять же, до сих пор считается, что пусть солидарная пенсионная система обеспечивает прожиточный минимум, а все остальное должна выполнить функция добровольного пенсионного накопления, и что тот самый средний класс, о котором я сегодня говорю, должен добровольно накапливать на свою пенсию. Это было бы замечательно, если бы мы не забывали того факта, что российский средний

класс — это небогатые люди, которые добровольно сами себе пенсию накопить не смогут. Напомню, что сегодня в нашей стране только 40% домохозяек имеют сбережения, и суммы этих сбережений хватит приблизительно на шесть—семь месяцев жизни. Это страхование от безработицы, но это не страхование от пенсии.

Поэтому, если государство не может дать денег, оно должно создать институты. В этом отношении мы считаем, что все-таки система, которая сейчас уже сформировалась и существует, — это система обязательного накопления, и ее надо укреплять, развивать, и именно в эту систему нужно предложить войти представителям среднего класса. Только в таком случае мы сможем не только сбалансировать сегодняшнюю пенсионную систему и платить пенсии на уровне одного, двух, трех прожиточных минимумов, но и сможем придать нашей будущей пенсионной системе страховой характер, который нам так нужен. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо большое, госпожа Малева!

Михал Рутковски, Всемирный банк, директор по России, Европе и Центральной Азии. Прошу Вас, Михал.

М. Рутковски:

Здравствуйте! Очень приятно здесь присутствовать. Я очень благодарен Пенсионному фонду и министерству экономики за приглашение.

Я буду говорить по-английски, потому что пока мне легче многое уточнить и сказать на английском языке.

М. Рутковски:

Еще раз большое спасибо за приглашение. Возможность говорить о пенсии в России вызывает у меня некоторую ностальгию, поскольку несколько лет назад я работал в сфере социальных вопросов и пенсий. Теперь я отвечаю

перед вами за всю программу Всемирного банка. Обсуждать пенсии меня приглашают чаще, чем какие-либо другие темы, и я воспринимаю это как знак доверия. Я действительно ценю это.

Позвольте мне рассказать о некоторых результатах анализа, проведенного Всемирным банком. Мы постоянно анализируем Российскую пенсионную систему и постоянно обновляем результаты анализа. Результаты, которыми я намерен поделиться, относятся к 2008—2009 годам, так как изменения 2010 года еще не полностью включены в анализ. Но и они будут включены очень скоро. Структура пенсионной системы в России — это в основном совершенно нормальная, здоровая структура, которая включает: базовую часть пенсии; страховую часть, которая в значительной степени связана с доходами; и индивидуальную часть. У меня есть некоторые замечания касательно этой структуры, но я вернусь к ним позже.

Я хотел бы сосредоточиться на основных проблемах. О некоторых из них мои коллеги уже упоминали. Наша дискуссия сфокусирована на коэффициентах замещения дохода. Коэффициенты, действующие в России в настоящее время, находятся на уровне, который является нормальным для стран с такими доходами, как российские. Я бы не сказал, что 40% — это очень высокий показатель, но я не считаю его и очень низким. Конечно, когда заработная плата считается низкой, тот же коэффициент замещения доходов дает более низкий результат, но это уже отдельный вопрос.

Проблема состоит в том, что если Российская пенсионная система не изменится, то коэффициенты замещения, по данным наших анализов, снизятся вплоть до 24%. В то же время, дефицит пенсионной системы будет расти, и все это — из-за коэффициента демографической зависимости, то есть из-за того, какое количество пенсионеров приходится на одного работающего. Ситуация довольно необычная, очень трудно найти что-либо подобное в других странах, и если заглянуть в будущее, то картина рисуется весьма тревожная. Обратите внимание: это не значит, что средний размер пенсий в реальном выражении снизится. Даже при ожидаемом снижении

коэффициента замещения ожидаемый рост заработной платы позволит вышедшим на пенсию через 20 лет быть богаче по сравнению с современными пенсионерами. Но заработная плата работающего населения будет гораздо выше, и относительная депривация при сравнении с ней окажется гораздо более выраженной. Это во многом проблема финансовой стабильности пенсионной системы, даже при снижении коэффициента замещения. Я заметил, что правительство пытается воздействовать в первую очередь на размер взноса: он был повышен с 20% до 26%, но затем упал до 22%. Эти действия нельзя назвать последовательными. Но попытки увеличить размер взносов, чтобы ликвидировать этот разрыв, наблюдаются.

Наш анализ показывает, что для улучшения финансовой системы, даже при снижении коэффициента замещения и, более того, при его поддержании, необходим целый комплекс мер, но ключевым вопросом, конечно, остается вопрос пенсионного возраста. Как показал наш анализ, невозможно создать социальный пакет, который оздоровил бы пенсионную систему, и не изменить при этом пенсионный возраст.

Все другие варианты могут быть уместны и необходимы, но только в качестве мер, сопутствующих повышению пенсионного возраста. Мое время ограничено, поэтому я лишь упомяну эти варианты. Одним из них является повышение размера взносов, на что я обратил внимание в моем докладе. Другой вариант связан с миграционной политикой: каково число иностранных работников, которых Россия приняла и в свою экономику, и в свое общество? Этот вопрос весьма актуален при обсуждении пенсионной системы.

Также актуален и вопрос о стимуле работать дольше, который связан со страховым компонентом пенсии в России. Мы называем это «теоретически различными взносами». Проблема в том, что, к моменту выхода человека на пенсию, ее страховая часть делится не на продолжительность жизни, а на некое необоснованное число, которое практически нивелирует все стимулы работать дольше. Сейчас это число изменилось и равно 19. Его роль как стимула действительно чрезвычайно важна и с самого начала была одной из

главных причин введения данной структуры. Позже я мог бы рассказать об этом подробнее, потому что интересуюсь этим вопросом.

Вернемся к возрасту выхода на пенсию: избежать перемен невозможно, однако я бы хотел отметить один момент. Мы говорим о пенсионерах будущего, так что эта часть изменений никак не повредит тем, кто наиболее активно против нее выступает. Итак, при внимательном рассмотрении, с учетом опыта других стран, надо признать, что ряд нововведений оказался вполне приемлемым для общества.

Идеологический аспект: вы за или против повышения пенсионного возраста? — в нашей дискуссии лучше оставить в стороне. Правильнее было бы обсудить вопрос о том, какая социально приемлемая степень повышения приведет к финансовому оздоровлению пенсионных фондов. Над этим мы и работаем. Мы можем создавать различные системы, но среди них нет такой, которая позволила бы оставить пенсионный возраст без изменений. Плодотворная дискуссия позволит шире посмотреть на эту проблему и решить, насколько изменения необходимы. Если бы удалось добиться разумного социального диалога по этим вопросам, это стало бы большим достижением, и Всемирный банк, конечно, будет рад оказать в этом плане любую посильную помощь. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо, господин Рутковски. Слово Оле Сеттергрону, главному актуарию пенсионной системы Швеции. Прошу Вас.

О. Сеттергрэн:

Спасибо, что пригласили меня сюда, в Санкт-Петербург — город, для шведа особенно притягательный. Как вы знаете, территория, на которой построен Санкт-Петербург, ранее принадлежала Швеции, но вряд ли у шведов хватило бы воображения и дальновидности создать такой прекрасный город. Но случилось так, что эта территория была завоевана, и на Неве возник этот

город. У меня нет намерения давать советы. Попытаюсь лишь описать в общих чертах, что уже сделано и что сейчас происходит в Швеции в отношении пенсий.

Важно отметить, что в настоящее время очень большая доля населения, по крайней мере в Западной Европе, но и во многих других частях мира, — старше 65 лет, то есть классического пенсионного возраста. Как минимум каждый пятый — старше 65 лет, и эта доля растет. Финансовая поддержка такой большой доли населения приводит как к финансовым, так и к политическим проблемам, и несет большие финансовые и политические риски. Предпенсионный доход значительно более диверсифицирован, чем пенсии: он обеспечен миллионами трудовых договоров. Даже если у вас в стране пенсионное финансирование диверсифицировано, ваша пенсия составит лишь долю того, что вы получали в качестве трудовых доходов.

И наконец, необходимо исходное понимание того, что пенсия может финансироваться только через производство товаров и услуг, которые хотя бы отчасти будут производиться и в пенсионный период, в период потребления. В каком-то смысле, сбережения невозможны: сбережения — это средства, позволяющие претендовать на продукцию, которая будет произведена в будущем.

Как же Швеция пыталась справиться с этой большой политической и финансовой проблемой? Во-первых, пенсионное обеспечение в Швеции достаточно диверсифицировано. Зависимость от государственных пенсий очень велика, но есть и трудовые пенсии, находящиеся в ведении социальных партнеров: они обеспечивают 20% пенсий, и эта доля растет. Государственная пенсия составляет 75% всех пенсий. Наконец, есть относительно небольшие пенсии из частных источников.

Во-вторых, предпринята попытка диверсифицировать принцип финансирования. Значительная часть государственных пенсий выплачивается из текущих доходов (Pay-As-You-Go). В схеме Pay-As-You-Go создан крупный фонд, который выступает в роли буфера, это специфически шведское

явление. Трудовые пенсии, а также пенсии частных пенсионных фондов также почти полностью профинансированы предварительно.

В-третьих, с 1990-х годов в Швеции применяется принцип трансфера формальных экономических и демографических рисков страховщика к застрахованным, то есть от правительства — к пенсионерам и вкладчикам пенсионных фондов. Существует риск — конечно, позитивный, — что мы будем жить дольше, и это будет стоить дороже пенсионным структурам и правительству. Очень хорошо, если мы живем дольше, но это дороже обходится пенсионным структурам. Будет ли экономическое развитие пенсионной системы, базирующееся на вкладах, расти медленно из-за неактивного участия рабочей силы или же произойдет сокращение рабочей силы, если демография отрицательная? Это тоже риск. К тому же, если вы инвестировали в накопительные пенсии с оговоренными бенефитами, то доход может быть низким или даже отрицательным. Мы все наблюдали такую ситуацию в течение последних нескольких лет и даже раньше. Так вот, в Швеции правительство и страховщики практически полностью передали все эти риски застрахованным.

Конечно, это принципиальная перемена в системе. Используя пенсионную терминологию, это переход от определенной схемы с установленными выплатами к определенной схеме распределения. Для того чтобы на выплатах сказывались риски, пенсия не обязательно должна финансироваться работодателем.

Как эта схема работала во время рецессии? Кризис оказал существенно негативное воздействие на пенсии, выплачиваемые из текущих доходов. Возможно, вы удивитесь, но, поскольку такие пенсии в Швеции выплачиваются по определенной схеме распределения, то балансирующий механизм этой схемы в 2010 году, в условиях глубокой рецессии, привел к вынужденному сокращению пенсий на 3%. Рецессия была короткой, но глубокой. ВВП упал на 5%: это самое большое падение ВВП с 1930 года, и оно повлекло за собой

дальнейшее сокращение государственных пенсий на 4,5% в 2011 году. В текущем году развитие позитивное — и номинально, и в реальном выражении. Платежеспособность фондов накопительных пенсий с оговоренными бенефициарами и работодателей, выплачивающих пенсии, была ограниченной, но выплаты во время рецессии, как правило, не сокращались.

Политический ответ на это снижение выплат (первый случай в истории шведской пенсионной системы, когда пенсии были сокращены номинально) заключался в сокращении налогообложения. Это смягчило потери доходов пенсионеров. Затем были предприняты исследования возможности снизить волатильность пенсий, выплачиваемых из текущих доходов, не отказываясь от принципа финансово устойчивой пенсионной схемы.

Краткое заключение на данный момент: эффект шведского проекта — положительный. Дефицит не накапливается. В отличие от многих других государственных систем пенсионного обеспечения по всему миру, дефициты которых увеличились во время экономического спада, в нашей дефициты устранены, но, конечно, за счет сокращения выплат. Негативный эффект данного проекта — волатильность.

Добавлю несколько слов о том, какими должны быть пенсии тех, кому сейчас 30. В соответствии с принятой в Швеции схемой, с увеличением продолжительности жизни будет увеличиваться пенсионный возраст, при котором будет выплачиваться та же самая пенсия. Вы по-прежнему сможете выйти на пенсию в 65 лет, но у вас будет значительно меньшая пенсия. Тем, кто родился в 1980 году, сейчас 32. Ожидается, что они должны будут работать до 68 лет и пяти месяцев, чтобы получать пенсию такого же размера, как те, кто родился в 1930 году. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо большое, господин Сеттергрэн.

Алмас Курманов, руководитель Государственного фонда социального страхования республики Казахстан. Прошу приветствовать Алмаса.

А. Курманов:

Стратегическая цель развития общества — это, наверное, реализация основных прав граждан, уменьшение социального неравенства, построение справедливой социальной защиты. По этому поводу очень много было сказано предыдущими ораторами, и я хотел бы коротко сконцентрировать внимание на некоторых моментах.

Например, обратите внимание на такой показатель, как отношение минимальной заработной платы к средней заработной плате. Если мы посмотрим на страны Европы, это приблизительно один к двум — двум с половиной. Если посмотрим на Соединенные Штаты Америки, это где-то один к трем. А если посмотрим на страны Таможенного союза — Казахстан, Россию, Белоруссию — это в среднем где-то один к пяти. То есть средняя заработная плата почти в пять раз выше, чем минимальная.

Если мы будем говорить о международных стандартах, определяющих основные параметры, характеризующие уровень социального обеспечения, как сегодня уже было сказано, это, наверное, коэффициент замещения дохода, и когда мы говорим о пенсиях, то хотелось бы сказать, что пенсия должна обеспечивать достаточный уровень жизни, а не только защищать пенсионера от бедности. То есть в этой ситуации мне хотелось бы также обратить внимание на то, как относится среднемесячная пенсия к среднемесячной зарплате. И мы видим, что в развитых странах среднемесячная пенсия составляет 50—60% от среднемесячной зарплаты, а если мы возьмем страны Таможенного союза, то больше всего эта доля в Белоруссии — 38,5%. Но в среднем Казахстан, Россия и Белоруссия близки к этому показателю.

Если мы посмотрим дальше, то хотелось бы обратить внимание на прогноз коэффициента замещения дохода. Мы говорим, что пенсия составляет 42%, но мы видим, что очень большой компонент такой пенсии — это солидарная пенсия. Но поскольку Казахстан стремится к двухуровневой системе, где есть

накопительная пенсионная система, есть базовый уровень, то солидарная система будет потихоньку завершать свое действие. Когда мы придем к тому, что остается накопительный базовый уровень, то увидим, что коэффициент замещения стремится примерно к 35%. То есть возникает вопрос: а что делать дальше? Понятно, что накопительная пенсия решает достаточно много вопросов, но она не решает всех вопросов.

Что происходит с накопительной системой? В частности, рассмотрим активы, которые у нас формируются. Мы видим, что активы наращиваются намного быстрее, чем инвестиционный доход, который формируется у пенсионных фондов. При этом у нас существуют очень жесткие ограничения на то, куда нужно вкладывать эти активы. Возникает такая ситуация, что в другие инструменты вкладывать нельзя, но мы ставим эти ограничения, потому что хотим сохранить эти активы. В то же время, доходность по существующим активам не такая высокая, и прирост активов получается невысокий.

Я хотел бы сказать, что средняя доходность по активам получается ниже, чем инфляция. Если мы посмотрим на инфляцию и сравним ее с темпами роста средней заработной платы, то увидим, что средний рост заработной платы почти в два раза опережает инфляцию. Я думаю, что это происходит не только в Казахстане, но и во всех странах Таможенного союза. То есть мы видим, что люди, которым сегодня 30 лет, имеют низкий старт по заработной плате, и даже проработав 30 лет, какую они пенсию будут иметь в итоге, что они успеют за это время накопить? В то же время, к достижению пенсионного возраста у них будут совсем другие потребности, так как уровень жизни у людей растет, им хочется ходить в театр, а не только есть хлеб насущный.

Всё это вопросы серьезные, и мне хотелось бы, чтобы мы, когда строим свои пенсионные и социальные системы, обращали на них особое внимание. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо большое.

Олег Киселев, председатель совета НПФ «Ренессанс жизнь и пенсия». Олег, прошу Вас.

О. Киселев:

Уважаемые господа, добрый день!

С вашего позволения, я хотел бы вначале поблагодарить Пенсионный фонд Российской Федерации за приглашение на этот Форум, на эту дискуссию. Я постараюсь быть кратким и говорить по существу, чтобы мы смогли потом в диалоге пообщаться по этим серьезным вопросам.

При решении задачи повышения эффективности пенсионного обеспечения необходимо учитывать два важных положения. Во-первых, не существует одного универсального подхода. К сожалению, нельзя решить эту задачу одним действием: необходим комплекс мер. Во-вторых, пенсионное обеспечение не может формироваться из одного источника. Из этого следует, что наиболее эффективна модель, когда пенсионное обеспечение формируется за счет трех компонентов. Первое: за счет государства, то есть при помощи страхового или распределительного компонента. За счет отчислений работодателя через уплату налогов – накопительный компонент. И за счет средств граждан, когда гражданин сам должен сам активно участвовать в создании своего пенсионного капитала – так называемый добровольный компонент.

Для сохранения достойного уровня жизни доход гражданина при выходе на пенсию должен составлять порядка 60% от размера последней заработной платы. Этот показатель называется коэффициентом замещения, мои коллеги уже говорили об этом. Соответственно, в формировании пенсионного капитала нужно участвовать все три компонента в равной степени, и тогда пенсионная система будет сбалансирована.

По результатам актуарных расчетов часть пенсионного капитала, формируемая за счет государства, сегодня решает данную задачу и обеспечивает коэффициенты замещения, равные 20% от последней

заработной платы 30-летнего гражданина. А вот накопительная часть уже не в полной мере может обеспечить требуемый коэффициент замещения в 20%. Отмечу, что сама накопительная система работает. Нет необходимости в кардинальных переменах. Но чтобы повысить коэффициент эффективности, необходимо модернизировать инвестиционный процесс. Тогда доля коэффициента замещения достигнет 20%.

Также я хотел бы определить меры, которые, по моему мнению, могут реально повысить эффективность инвестиционного процесса накопительного компонента.

Первое. Необходимо сделать пенсионные накопления долгосрочным активом; изменив требования к негосударственным пенсионным фондам, ежегодно фиксировать и разносить инвестиционный доход. Насколько я знаю, не так давно в Минюст был направлен проект приказа, который частично снимает данное ограничение. Согласно этому проекту, горизонт инвестиций должен вырасти с одного года до пяти лет. Это хорошо, но на самом деле срок инвестирования намного больше. Основной целью пенсионного управляющего должна быть максимизация доходности инвестированных средств именно в момент выхода на пенсию.

Второе: негосударственным пенсионным фондам нужно разрешить использовать различные стратегии инвестиций. Эти стратегии должны зависеть от разных возрастных групп: например, консервативная, сбалансированная, агрессивная. Инвестиционная стратегия должна зависеть от возраста человека: чем моложе человек, тем более агрессивной, чем старше, тем более осторожной должна быть политика управления его пенсионными накоплениями.

Третье: расширение перечня инструментов инвестирования. По моему мнению, необходимо снизить рейтинг долгосрочной кредитоспособности на одну—две ступени для эмитентов ценных бумаг, а также расширить их перечень. Следует расширить перечень банков, в которых возможно размещать пенсионные накопления, путем, может быть, модернизации

механизма доступа банков к управлению пенсионными накоплениями. И, конечно, как говорил сегодня президент, следует создать возможность инвестирования в государственные инфраструктурные проекты. Именно в этом в полной мере реализуется потенциал длинных денег.

Еще можно применить такую меру, как пересмотр в большую сторону величины базы для начисления страховых взносов. На данный момент накопительная часть пенсии работает недостаточно эффективно для граждан, зарабатывающих свыше 42 тысяч рублей в месяц, то есть существует некий потолок на накопительную часть.

Ну, и третий и, наверное, самый сложный компонент — это участие гражданина в формировании собственной пенсии. Сегодня вклад гражданина в свою пенсию составляет ничтожный процент. К сожалению, стоит признать крайне низкую культуру накоплений в нашей стране. Только около 5% граждан реально задумываются о будущей пенсии. В качестве одной из мер по стимулированию граждан к формированию пенсионных накоплений могут быть налоговые льготы. Но эта мера не так эффективна, как в других странах — например, у наших коллег, присутствующих здесь, — так как у нас налог и так низкий, и эта мера не является достаточным стимулирующим фактором для граждан. Даже программа софинансирования пенсий не пользуется сегодня особой популярностью. Хотя, по сути своей, она является одной из самых привлекательных накопительных систем. Получается, что мера, направленная на стимулирование граждан к самостоятельному формированию своих пенсионных накоплений, недостаточно эффективна.

Исходя из этого, следует рассмотреть (и я наберусь смелости это сказать) возможность введения для граждан обязательных пенсионных отчислений — в дополнение к тем отчислениям, что делает работодатель, и в равной с ним пропорции: например, путем увеличения подоходного налога на 6%. Чтобы эта часть шла на личный счет гражданина, где формируется его пенсионный капитал. Эта часть должна быть собственностью гражданина и должна передаваться по наследству.

Ну и, конечно же, обязательно нужно обеспечить механизм сохранности накапливаемых средств — например, путем создания агентства по страхованию пенсионных накоплений, по принципу АСВ, так, как это уже реализовано в банковском секторе.

Итак, 30-летний гражданин при выходе на пенсию, если сегодняшняя ситуация останется прежней, будет иметь доход примерно 37% от его последней заработной платы. Надеемся, что если мы реализуем ряд мер, можно будет рассчитывать на увеличение размера пенсии до 60% от заработной платы.

Спасибо за внимание.

И. Виттель:

Большое спасибо, господин Киселев, за содержательный доклад!

Я, правда, видел глаза некоторых людей в зале, когда вы сказали про увеличение подоходного налога.

О. Киселев:

Но надо же внести какую-нибудь интригу в нашу дискуссию.

И. Виттель:

Боюсь, что эта интрига уже такая, на грани фола. Я думаю, что мы дадим возможность высказаться тем, кто сейчас недоумевает в зале. Игорь Юргенс, вице-президент РСПП.

Игорь, я Вас очень прошу, без подобных провокаций, Вы на них большой мастер. Прошу Вас.

И. Юргенс:

Тогда я сразу начну с провокации, чтобы потом оставшиеся три минуты спокойно разговаривать.

Мы не очень понимаем позицию Правительства по всей нашей пенсионной реформе. Во-первых, мы не очень понимаем, почему до сих пор ее концепция

не внесена в Думу и не вынесена на общественное обсуждение. И, во-вторых, очень значимые люди в Правительстве говорят совершенно разные вещи. Причем иногда один человек говорит об этих вещах непоследовательно. Например, министр финансов позавчера сказал, что мы за 10 лет решим вопрос дефицита пенсионного бюджета и не будем при этом увеличивать пенсионный возраст. Этот же министр финансов, а не другой, в мае сказал, что надо, по крайней мере, уравнивать пенсионный возраст женщин и мужчин, то есть на пять лет увеличить его для женщин. Ну как тут понять, какая позиция занимает Правительство, причем ключевыми его членами, по разным вопросам пенсионного обеспечения?

С провокацией я закончил и к этому министру отношусь замечательно, считаю его преемником предыдущего министра, к которому относился еще лучше.

Что касается позиции РСПП, давайте я просто скажу бесспорные вещи, не буду входить в саму позицию: она передана в Правительство, передана вице-премьеру. Поэтому мы готовы ее обсуждать.

Бесспорным положением номер один является то, что поддержание нынешней пенсионной системы в живом состоянии возможно только при увеличении трансфертов из бюджета. Это имеет свои ограничения, абсолютно объективные. Сегодня премьер-министр сказал, что мы не можем наращивать бюджетные расходы, мы должны их аккуратно сохранять в состоянии стабильности, иначе мы попадем в ту же ситуацию, в которой оказались Европейский Союз, Соединенные Штаты и другие страны.

Таким образом, есть объективный ограничитель существования нынешней системы и, соответственно, нужна реформа. Необходимость такой реформы признается всеми. В реформе есть три понятных компонента: государственная пенсия (не буду говорить про все составляющие, потому что это настолько сложно, что нужно заканчивать два университета), еще базовая, социальная, трудовая, досрочная и так далее. Но государственная пенсия — это то, что государство платит человеку, который выходит на пенсию. Второе: корпоративная система, то есть то, что создается корпорациями вместе с

профсоюзами и трудящимися, под давлением и при мотивировании со стороны государства. И третье: человек сам должен накапливать в добровольной пенсионной системе, в которой ему должны предлагать такую же услугу, как банки — страхование жизни с накоплением и так далее. То есть, как минимум три компонента нашей финансовой системы должны предложить человеку добровольное пенсионное обеспечение.

Вот если государство согласно с тем, что будущая пенсионная реформа будет трехзвенной: обязательная государственная, корпоративная и добровольная, — то мы, как организованное предпринимательское сообщество, готовы к обсуждению этого. Я знаю позицию профсоюзов: они более чем готовы с другого угла, но очень рвутся обсуждать. Экспертное сообщество готово, госпожа Малева уж совершенно точно возглавляет эту когорту. Эксперты готовы к этому давно и очень квалифицированно.

Мое предложение. Если, как мы знаем из агентурных данных, Правительство будет где-то в октябре вносить свою концепцию пенсионной реформы в Думу, если оно объявит, что дает всем трем сторонам — экспертам, профсоюзам и предпринимателям, себе самому — один год для обсуждения всех аспектов этой системы, и после прохождения этой абсолютно открытой, транспарентной общенациональной дискуссии по пенсионной реформе что-то примет, при полном понимании того, что мы делаем, повторю еще раз, и трудящимися, и предпринимателями, и государством, — я считаю, что это единственный путь, и другого пути я не вижу, чтобы поставить точки над «і» и начать двигаться в правильном направлении. Спасибо большое.

И. Виттель:

Большое спасибо, господин Юргенс.

Заключительное слово в первой части нашей дискуссии скажет Антон Викторович Дроздов, председатель правления Пенсионного фонда России. Прошу приветствовать аплодисментами. Антон Викторович!

А. Дроздов:

Спасибо, уважаемые коллеги.

Во-первых, я бы хотел поблагодарить министерство экономики за то, что оно доверило Пенсионному фонду сформировать эту панель. Наша задача состояла в том, чтобы пригласить экспертов, представляющих разные точки зрения и смотрящих на проблему под разными углами. Вы, наверное, заметили, что здесь есть и международные эксперты, и те, кто был адептом накопительной части, есть и бизнес, и финансовый рынок, и в этом ценность данной панели.

Вначале я хотел бы сказать, что те основные риски, которые существуют в мире, в демографии, на макроэкономическом уровне и на рынке труда и которые, как сейчас объявлено, представляют самую страшную опасность для пенсионной системы, — они в Российской Федерации имеют свои особенности. Если взять демографические риски, то, казалось бы, у нас тоже происходит усиление демографической нагрузки на экономику, которое выражается в том числе в увеличении количества пенсионеров на одного работающего. Но, вместе с тем, у нас и низкая продолжительность жизни, прежде всего у мужчин. Если брать в среднем, то я могу сказать, что у нас продолжительность жизни на 10 лет ниже, чем в развитых странах, и на 5,8 лет ниже, чем в восточноевропейских странах. Если брать макроэкономические риски, то наша особенность, помимо общих кризисов, помимо того, что это влияет на эффективность пенсионных накоплений, состоит в том, что у нас еще и высокая инфляция, высокая зависимость от внешних факторов, низкая ликвидность внутреннего рынка, недостаточность развития финансовых институтов и большой уровень расслоения населения по доходам. Я могу сказать, что если брать наемных работников, то две трети из них получают заработную плату ниже средней. А если взять всех работников, то 75%.

Если говорить о рынке труда, то здесь у нас также высокий объем теневой занятости, растет неформальная занятость, и большое количество льготников.

Я бы хотел сразу сказать, что, имея такой набор, мы, конечно же, должны брать общие подходы, но с учетом специфики России.

Если говорить о трех уровнях, то да, мы действительно согласны с тем, что только комплексная трехуровневая система решит проблемы коэффициента замещения, в том числе для 30-летних, которые имеют уже 10-летний стаж и которым нужно работать еще 20—30 лет.

Первый уровень все-таки должен обеспечить базовый коэффициент замещения 45—50%, и, конечно, здесь существуют те проблемы, о которых я говорил и которые находят свое выражение в том, что нам необходимо ввести актуально сбалансированный и обоснованный тариф. Нам необходимо учитывать стаж. Нам необходимо решить вопросы по льготным и досрочным пенсиям. Нам необходимо стимулировать развитие накопительной части, только остается вопрос: это должна быть полностью государственная принудительная накопительная система, чтобы все платили одинаково 6%, вне зависимости от заработка? Ведь если взять программу софинансирования пенсии, то получается, что у меня заработная плата миллион рублей или пять копеек, я внес 12 тысяч, и мне государство дало 12 тысяч. Но на самом деле все-таки любые программы стимулирования прежде всего способствуют вовлечению людей в накопительную часть. У нас это не персонифицировано с точки зрения дохода.

У нас совершенно не развит второй уровень — корпоративные системы. У нас есть два вида квазикорпоративного пенсионного обеспечения: это угольщики и летчики, — и мы совершенно не стимулируем и не заинтересовываем работодателя в создании корпоративных систем. Они создаются, но в добровольном порядке, самостоятельно, стихийно.

Конечно, в том, что касается этих двух уровней, у нас есть проблемы, связанные с совершенствованием и регулированием негосударственных пенсионных систем, о чем говорил господин Киселев. У нас, конечно, есть проблемы в стимулировании работников к участию в формировании своих пенсий. Мы — чуть ли не единственная страна в мире, где платит только

работодатель. У нас есть проблемы и с необходимостью участия не только НПФ, но и других институтов в формировании рынка пенсионных накоплений. Поэтому мы хотим сказать, что в своей политике мы исходим из того, что решение должно быть сбалансированным. Оно должно быть принято гласно. Оно будет обсуждаться, и я хотел бы сказать, чтобы ни работодатели, ни представители работников и иных организаций не волновались. Естественно, мы всё со всеми обсудим, потому что всё будет зависеть от тонкой настройки. Все приблизительно знают, сколько элементов нужно, но ключ к решению вопроса, как мне кажется, в их соотношении и сбалансированности. Если мы ничего не будем делать, то, по нашему мнению, коэффициент замещения у 30-летних действительно будет порядка 27%. Если мы все-таки разберемся в каждом уровне пенсионной системы, устраним все наши риски и наведем порядок, то это, может быть, будет и 70% или даже больше. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо большое, Антон Викторович.

А сейчас мы перейдем к вопросам из зала. Я вижу, что они есть: лес рук. Давайте для начала пойдем с левой стороны.

Д. Васильев:

Дмитрий Васильев, Институт корпоративного права и управления.

Я читал в газете «Ведомости» некоторые заявления министра труда Максима Топилина, и сейчас товарищ Дроздов подтвердил опасения о том, что речь идет о частичной ликвидации накопительной системы.

Я понимаю, что это некие благие намерения, направленные на закрытие «дырки» в бюджете Пенсионного фонда. Но, как вы знаете, благие намерения часто ведут в ад. Я хотел бы соотнести эту проблему не только с пенсионной системой, а, как, может быть, прояснят господин Дроздов или госпожа Голодец, и с некоторыми другими общими экономическими проблемами, которые решают Правительство и президент Российской Федерации.

Известно, что в своей программной статье Владимир Владимирович Путин сказал, что он хочет повысить долю сбережений в ВВП, и поставил это как задачу, сказав, что все ее будут выполнять. Как известно, уменьшение доли накопительной системы неизбежно снижает долю накоплений в ВВП. Это был первый конфуз, который я испытал, прочитав газету «Ведомости» и выслушав доклад господина Дроздова.

Вторая проблема, как Дмитрий Анатольевич Медведев и Владимир Владимирович Путин подтвердили полчаса назад, состоит в том, что мы очень хотим развивать международный финансовый центр. И что-то неофициально делаем, и собираемся принять очень хорошие законы. Известно только, что без национальных инвесторов, главными из которых являются частные пенсионные фонды, никаких международных финансовых центров быть не может. Соответственно, речь идет о том, что мы сокращаем базу НПФ и, соответственно, уменьшаем возможности развития международного финансового центра. Как это соотносится с политикой и заявлением президента, и с тем, что делает Правительство? Оно хочет это делать? Я уверен, что Правительство и Дмитрий Анатольевич хотят это делать. Я не могу поверить, что он...

И. Виттель:

Это все вопросы?

Д. Васильев:

Еще третий вопрос: инфраструктурные облигации, о которых только что говорил Владимир Владимирович Путин. Если вы уменьшаете базу, значит, вы уменьшаете господину Якунину возможности размещать свои долгосрочные проекты.

У нас получается три нестыковки общей политики правительства с, казалось бы, невинными и очень благими пожеланиями. Не говоря уже о долгосрочных

перспективах. Это наносит ущерб и пенсионерам. Мы сейчас не будем о пенсионерах, а вот о сегодняшней политической...

И. Виттель:

Спасибо, Дмитрий. Кто отвечает? Антон Дроздов?

А. Дроздов:

Во-первых, никакой нестыковки нет: видимо, Вы как-то не так все воспринимаете.

Первое. Начну с конца, по поводу инфраструктурных облигаций. В настоящее время в инфраструктурные облигации размещено всего 60 миллиардов рублей, а пенсионные накопления составляют порядка 1,8 триллиона. Видимо, дело не в деньгах, а именно в предложении, в развитии рынка. Поэтому мы говорим о том, что уровень пенсионных накоплений, наверное, должен быть адекватен нашим возможностям, но пока, к сожалению, вот так. Действительно, мы вносили предложение в первую очередь в Пенсионный фонд, чтобы расширить возможности для покупки инфраструктурных облигаций. Потому что только примерно 30—40% их может купить рынок, а остальное должны получать институты. Поэтому здесь мы — за то, чтобы длинные пенсионные деньги работали и были готовы, но это вопрос финансовый, а не пенсионный.

Что касается накопительной части, то никто не предлагает ее ликвидировать, ее нужно развивать. Но в том виде, в котором она сейчас существует, одна для всех, государственная, с доходностью 6—7%, что ниже инфляции, она не является большим стимулом, это уже пройденный этап. Если мы посмотрим на иные системы, то все-таки накопительная часть развивается за счет корпоративных систем, за счет работодателей. Они и работники вкладывают в эту систему, и тогда появляется возможность для расширения. Мы не можем выйти за 6%, и она так и будет 6%. Только за счет корпоративного ресурса ее можно развить. Поэтому мы говорим о том, что именно средний, второй

уровень — развитие корпоративных и добровольных систем — за счет регулирования даст возможность пенсионным фондам стать настоящими игроками на рынке и накопить средства. А через регулирование страхования государство будет этим управлять. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо большое. Ольга Юрьевна, добавьте что-нибудь? Нет. Пожалуйста!

Е. Якушев:

Евгений Якушев, Европейский негосударственный фонд.

Я хотел просто дать комментарий. Мне кажется, что если мы говорим о том, какая пенсия будет у 30-летнего, то мы, скорее всего, говорим об источниках, из которых он ее будет получать. Поэтому если мы определим возможности государства, то станет ясно, каким будет уровень корпоративных пенсий или индивидуальных накоплений. То есть просто математически моделируем.

С этой точки зрения, говоря об источниках, нужно задавать 30-летним вопрос: кто отвечает за вашу пенсию — государство, твой работодатель или ты сам? В этой связи самый большой ресурс — это профессиональные пенсионные системы досрочной льготной пенсии. 30% населения выходят на пенсию на 5—10 лет раньше, и эту зону нужно срочно передавать негосударственным пенсионным фондам, потому что только негосударственные пенсионные фонды могут обеспечить более поздний выход на пенсию и тем самым обеспечить более высокий размер пенсии. Михаил говорил о том, что сейчас накопительная часть трудовой пенсии делится на константу. Если человек не хочет получать пенсию и не получает ее в 55—60 лет (а мы знаем, что первые пять лет 80% людей продолжают работать), то у него должны быть реальные возможности получать пенсию большего размера.

И все-таки, на мой взгляд, есть, тоже с какой-то провокацией, повышение пенсионного возраста. За последние 10 лет продолжительность жизни у мужчин выросла с 55,9 до 64 лет. За 10 лет — на четыре года. Это тенденция.

Поэтому говорить о том, что средний возраст сейчас такой... Для рожденных тогда-то он такой, а для тех, кто рождается сейчас и будет выходить на пенсию через 30 лет, — у них будет совсем другая продолжительность жизни. Поэтому нужно говорить и об увеличении трудового стажа, и о периоде нахождения на пенсии, и это как бы общественный договор между поколениями. Эту тему общественного договора и публичного обсуждения нужно сильно продвигать и институционализировать. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо большое.

О. Голодец:

Можно ремарку?

И. Виттель:

Да, конечно.

О. Голодец:

Просто есть важная, как мне кажется, реплика. Дело в том, что у нас имеется инструмент, который называется Российская трехсторонняя комиссия, где все три стороны обсуждают вопросы, в том числе и связанные с профессиональными пенсиями. На прошлом заседании комиссии было решено создать рабочую группу: это относится ко всем — и к работодателям, и к работникам. Что удивительно, эту тему активно поддерживают и работники. В том числе, даже угольная промышленность заинтересованно участвует в расчетах. Поэтому я приглашаю к абсолютно открытому диалогу, потому что работа по профессиональным пенсиям началась и по первому, и по второму списку. Здесь очень важно согласие, понимание, хороший и понятный расчет, для того чтобы это была система, которая действительно устраивает общество во всех его ипостасях.

И. Виттель:

Спасибо Вам большое.

А. Дроздов:

А можно еще реплику?

И. Виттель:

Да, конечно!

А. Дроздов:

Здесь присутствуют представители шведского агентства, так у них, несмотря на высокий пенсионный возраст, можно выйти на пенсию с 61-го года, и в Германии тоже. Все страны, которые поднимали пенсионный возраст, все равно сохраняли возможность выхода на пенсию в более позднем возрасте.

Из зала:

Со снижением размера пенсии.

О. Голодец:

Да, возможно.

Из зала:

Но это вопрос не возраста, а вопрос того, больше или меньше.

И. Виттель:

Спасибо большое. Пожалуйста, да.

С. Калашников:

Первый вопрос у меня — к господину Курманову. Правильно ли я понял из Вашего выступления, что в Казахстане существуют большие сомнения относительно эффективности накопительной части, и Вы понимаете, что основой должна быть солидарная система?

Второй вопрос — к господину Рутковски. Господин Рутковски, Вы лично внесли огромный вклад в то, чтобы в Польше, Казахстане и России существовала накопительная система. Вот сейчас, после кризиса накопительной системы и осознания кризиса накопительной системы в Латинской Америке, Вы продолжаете настаивать, что накопительная система — это неприменимый элемент пенсионной системы? Или все-таки Вы пересмотрели свои взгляды?

Второй вопрос — я не знаю, к господину Дроздову или к Ольге Юрьевне.

И. Виттель:

Это уже третий вопрос, Сергей.

С. Калашников:

По поводу льготных пенсий. Как вы предполагаете, проще идти постепенно, то есть вначале упорядочить вопросы с льготными пенсиями, или все-таки решать одним махом? То есть, если закрутить действительно реальную, необходимую пенсионную реформу, то куда сразу же внести льготные пенсии? Или вначале — льготные пенсии, а потом — все остальное?

И последний вопрос — к господину Юргенсу. Он действительно провокатор. Господин Юргенс, если мы год будем обсуждать пенсионную систему, то совершенно понятно, что мы ни к чему не придем. Но мы этим так возбудим общество, что всем будет не до пенсий. С этим Вы согласны или нет?

Спасибо.

И. Юргенс:

А у меня встречный вопрос: Вы сейчас от какой фракции, Сергей? Нет, от какой фракции? Можно ответ?

С. Калашников:

Пожалуйста: от либеральной-демократической.

И. Юргенс:

Спасибо.

И. Виттель:

А что такое?

С. Калашников:

А что это Вам дает?

И. Виттель:

Это клеймо теперь какое-то? Господин Курманов.

А. Курманов:

Спасибо за вопрос. Я хотел бы сказать, что в Казахстане нет разочарования от накопительной пенсионной системы: она работала, работает и в целом продолжает приносить какие-то плоды и пользу. В тех диаграммах, которые я смог показать, видно, что в целом она решает какой-то блок вопросов. Она влияет на коэффициент замещения дохода. Но! Я пытался в своем выступлении сказать о том, что сегодня, например, молодые люди, которым 30 лет (а это тема нашей дискуссии), стартуют с маленькой зарплаты. Когда они достигают пенсионного возраста, то за этот период, например, в Казахстане, в накопительной системе гарантируются взносы плюс инфляция. То есть даже если сохранились ваши взносы на уровне инфляции, то уровень жизни в любом случае растет. Например, на сегодняшний день (а это зависит от периода) рост средней заработной платы вдвое превосходит инфляцию, то есть у людей возникают совершенно другие потребности в жизни. И, понятное

дело, что мы уже ставим другие задачи. Хорошо, завтра, скорее всего, надо гарантировать не просто сохранение этих активов плюс инфляция, а, наверное, нужно предложить людям что-то большее, если мы, как говорится, хотим управлять будущим нашей страны.

И. Виттель:

Спасибо большое! Господин Рутковски. Кстати, господин Калашников, просто господин Юргенс интересовался, в какую фракцию вступать, только и всего.

М. Рутковски:

Рад снова видеть Вас, господин Калашников. Я не считаю кризис в Латинской Америке кризисом накопительной системы. Это был общий кризис, а накопительная составляющая стала его жертвой из-за плохого ведения счетов разными поколениями, а также из-за того, что борьба с финансовым кризисом велась путем ликвидации или сокращения накопительной части. Та часть пенсий, которая выплачивается из текущих доходов, пострадала в равной степени, но она была политически защищена, в противоположность накопительной составляющей. Сегодня, как и прежде, я думаю, что в пенсионных системах — не в каждой, но во многих — есть законное место для накопительной составляющей как для части общей пенсионной системы. Мы узнали много нового о том, как лучше строить накопительную составляющую, как улучшить системы регулирования, как повысить конкуренцию между пенсионными фондами, как улучшить режимы инвестирования, чтобы способствовать повышению доходов. Я думаю, должен быть учтен опыт стран Латинской Америки, Центральной, Восточной Европы и Казахстана. Если бы нам пришлось все начать сначала, я бы призвал к тому же. Возможно, характеристики системы были бы несколько иными, потому что мы многому научились за последние десять лет. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо. Кому был третий вопрос, Сергей? Напомните мне. Ольга Юрьевна, отвечайте.

О. Голодец:

Вопрос о том, будут ли изменения вноситься в пакете или последовательно. Дело в том, что есть некоторые изменения, к которым общество готово и которые оно готово обсуждать. Пример тому — льготные пенсии. И я думаю, что будет неправильно, если общество будет готово к этому обсуждению и уже придет к какому-то решению, а мы его будем задерживать. Есть решения, которые подлежат очень серьезному обсуждению. Есть нормы и льготы, оставшиеся с советского времени, по которым сегодня нет инициативы или она не разделяется, или пока мы не видим перспектив ее решения, и это потребует более длительного периода. Ждать одного изменения ради того, чтобы ждать согласия в другом, как мне кажется, не совсем рационально. По мере того, как мы будем находить консенсус в вопросах развитии финансовых инструментов для накопительной пенсии, мы будем их развивать. По мере того, как мы найдем решение по досрочным пенсиям, мы будем его продвигать. Я думаю, что это будет оправдано для того, чтобы действительно придать импульс развитию всей системы.

Я все понимаю, я понимаю те риски, но, вместе с тем, наверное, это разумно, и я думаю, что если общество придет к некоторому согласию хотя бы по отдельным пунктам, это уже дорогого стоит и нужно это поддерживать.

И. Виттель:

Спасибо. Кто на четвертый вопрос отвечает?

И. Юргенс:

Во-первых, если мы справимся быстрее, чем за год, я буду счастлив. По тому, как Ольга Юрьевна сейчас описала объем проблем, думаю, что не справимся. То, что год — это не так долго, и (пусть господин Рутковски меня поправит) в

Польше десять лет объясняли населению, какая будет пенсионная реформа, и только после этого был достигнут общественный договор. И система работает. А если Вам не удастся, то на этот счет есть различные рецепты.

М. Рутковски:

Что ж, еще и больше времени требовалось, чтобы прийти к социальному консенсусу. В Польше — больше десяти лет.

О. Сеттергрэн:

В Швеции, действительно, очень медленно воспринимают некоторые вещи.

И. Виттель:

Нет, ну не во всем. Швеция, Россия и Польша очень быстро вылетели с чемпионата Европы, в этом мы максимально быстры. Прошу Вас.

Дж. Ма:

Большое спасибо. Меня зовут Джун Ма, я работаю в Deutsche Bank. Я занимаюсь китайской экономикой. Думаю, было бы небезынтересно несколько переключить наше внимание. Я принимал участие в обсуждении китайской пенсионной реформы, и в связи с этим у меня есть два вопроса к тем, кто изучает международный опыт.

Первый вопрос. Одним из вариантов реформирования пенсионной системы Китая является передача значительной части государственных активов в пенсионные фонды. Например, у китайского правительства много акций котируемых компаний, они могут передать акции в пенсионный фонд. Это поможет разрешить часть проблем. Есть ли примеры успешного действия такой схемы в международном опыте? Рассматривался ли в Швеции вопрос о передаче части запасов нефти пенсионной системе?

И второй вопрос. Михал несколько раз упоминал о том, что существуют способы улучшения инвестиционного дохода по пенсионным активам.

Существует ли значительный международный опыт, на основании которого можно было бы предположить, что, проводя некоторые финансовые реформы, вы можете поднять доход по пенсионным инвестициям при номинальном уровне ВВП на 10-летней, 20-летней основе, или это случается крайне редко?

М. Рутковски:

Я ссылался на тот факт, что инвестиционные режимы для пенсионных фондов, которые были созданы в Латинской Америке, а также в Венгрии и Польше, были очень строгими. Существовали классы активов, на инвестиции в которые были наложены максимальные ограничения. Эта система оказалась менее эффективной, чем хотелось бы. Либерализация этих классов активов дает свободу выбора, что является первым шагом.

Второй шаг — то, что происходит сейчас. В процессе совершенствования системы в Чили стало ясно, что степень риска зависит от возраста. Есть пять различных инвестиционных режимов, отличающихся друг от друга по степени риска, которая зависит от инвестиций в активы с переменной доходностью. Чем вы старше, тем строже инвестиционные ограничения.

Третий элемент относится к инвестированию за рубежом. Все упомянутые мною страны налагают жесткие ограничения на инвестирование за рубежом, и я продолжаю думать, что это было ошибкой, которая привела к сокращению доходов пенсионных фондов.

И. Виттель:

Спасибо. Два последних вопроса: один справа, один слева.

Д. Лызлов:

Добрый день! Меня зовут Дмитрий Лызлов, МБЭС-фонд. У меня вопрос к Антону Дроздову.

Есть ли у Вас численные данные о том, какие убытки понесла система негосударственных пенсионных фондов в России, например, за прошедший

год? То есть в результате колебания акций, в результате невозможности выплаты вкладчикам, какую сумму и какую долю от общих пенсионных накоплений граждан это составляет?

А. Дроздов:

Дело в том, что мы начинаем выплачивать накопительную часть только с первого июля, и реально убытки почувствуют те пенсионеры, которые будут получать свой расчет по пенсионному капиталу. Я пока сказать не могу. Мы считали, что если взять стоимость чистых активов и по номиналу тех средств, которые были направлены в пенсионные фонды за несколько лет, то средняя доходность за несколько лет составляла 5,9%. Сравните с инфляцией. Я думаю, что это среднее. Поэтому мы можем только сделать вывод, что если говорить о казахстанском опыте, то там защита от инфляции осуществляется за счет государства, и если мы возьмем ту же модель, то нам нужно будет доплачивать нашим пенсионерам из бюджета, чтобы защищать их накопительные средства от инфляции.

И. Виттель:

Спасибо. Последний вопрос.

Ч. Робертсон:

Меня зовут Чарльз Робертсон, я главный экономист ЗАО «Ренессанс Капитал». За сегодняшний день это была лучшая дискуссионная панель, очень информативная. Спасибо!

Мы провели кое-какие исследования по пенсиям и обнаружили, что Россия тратит на пенсии 10% ВВП, аналогично Португалии, Греции, Италии. Доля налоговых поступлений правительства, которые расходуются на выплату пенсий, составляет около 30%, что, опять же, аналогично Португалии, Греции и Италии, но что в долгосрочной перспективе не подходит России.

Проблема перемещения налогового бремени на корпорации облегчает создание отчетов Всемирного банка. Высокие затраты на рабочую силу, не связанные с использованием рабочей силы, являются одной из причин низкого рейтинга России в этой области. Из этого следует, что нужны частные пенсии и взносы в частные пенсионные фонды. Это изменило бы ситуацию к лучшему. Пенсионный фонд в России составляет, я думаю, 3—4% от ВВП. В Южной Африке этот показатель составляет 60%, в Швеции, я думаю, 90% или 100%, аналогично — в Америке и Великобритании, и когда в мире возникают проблемы, эти страны оказываются защищены намного лучше, потому что они имеют огромные пенсионные фонды. Как вы думаете, какой процент в год от ВВП россияне должны вносить в частные пенсионные системы? Полтора, как установлено в Польше? Или один, или два?

А. Дроздов:

Первое, что я хотел все-таки сказать, это по поводу цифр. Цифры у Вас, видимо, относительно доли в ВВП: 10% — ну, не 10, а 9,2%, это всё расходы, но это не только пенсия. Дело в том, что Пенсионный фонд администрирует расходы не только по пенсиям, но и по иным выплатам, которые не относятся к пенсиям. Поэтому, если брать только пенсии, эта цифра составит 7%.

Теперь второе: взнос. Тридцать процентов — это не только взнос в Пенсионный фонд. В Пенсионный фонд идет 22%, и существует большое количество льгот. По тарифу. Я имею в виду самозанятое население, малый бизнес и так далее. Поэтому, если брать среднееэффективный тариф, то он будет, я думаю, порядка 20%.

Теперь по поводу доли. Как Вы знаете, спецификой России является то, что у двух третей — трех четвертей нашего населения низкая заработная плата. Часто пенсионные фонды формируют работодатель и работник. Работник у нас все-таки не загружен этим тарифом. Им у нас загружен работодатель: я говорил, что платит у нас только работодатель. Поэтому его можно нагрузить, но не много, а работник пока не участвует.

Поэтому мы считаем, что именно корпоративные системы, именно инициатива работодателя и работника на основании коллективного договора и дадут возможность при росте заработной платы существенно наполнить частные фонды. Но это будет делаться постепенно, по мере роста заработной платы, по мере того, как у работодателя будет появляться возможность эти деньги отчислять. И еще: тут очень большое значение имеет конкуренция за рабочую силу, борьба за работника на рынке труда. Это тоже даст возможность увеличить такие выплаты. Спасибо.

И. Виттель:

Спасибо. Но я все-таки оставляю право последнего вопроса за собой, если не возражаете. Антон Викторович, тогда вопрос к Вам и к Ольге Юрьевне. То, что предлагал Олег Киселев, вызвало недоумение и даже некоторую агрессию в зале. С другой стороны, мы говорили о том, что есть некие методы пряника, о которых тоже неизвестно. Так вот, как заставить российского гражданина интенсивнее инвестировать в собственную пенсию? Кнутом, пряником или комбинацией этих методов? Какой, на ваш взгляд, самый эффективный метод?

А. Дроздов:

Народ у нас недоверчивый, он даже в банки неохотно деньги кладет.

И. Виттель:

И наш народ можно понять.

А. Дроздов:

Поэтому, наверное, первое: в политике пенсионного фонда очень большое значение имеет разъяснительная компания, открытость самого процесса инвестирования и открытость ежегодной отчетности. То есть разъяснения и

простые открытые правила, которые дают возможность человеку каждый год следить за тем, как растут его пенсионные накопления.

И. Виттель:

Спасибо. Да, конечно.

О. Голодец:

Мне кажется, что наша проблема глубже. Нам предстоит не только призвать людей самих накапливать себе на пенсии, нам предстоит вообще изменить психологию россиянина в части ответственности за свою жизнь, за свою судьбу. Мы сегодня смотрим, что этот вопрос очень справедливо был поднят, сначала профсоюзами, которые сказали: а покажите нам, кто доноры и кто реципиенты Пенсионного фонда. Оказалось, что в числе реципиентов — абсолютно не бедные люди. И абсолютно не бедные отрасли, и абсолютно не бедные граждане, как мы понимаем. Это просто такая игра с государством в кошки-мышки. Мы прячем, мы считаем, что не зазорно прятать свои доходы, получать «серую» зарплату. И все это стоит в одном ряду: нечестные ЕГЭ, нечестные заработки, «серые» схемы. Пока общество не выработает политику абсолютной прозрачности и правильности: да, мы получаем зарплату, мы платим налоги и мы имеем пенсию, — пока мы сами не придем к некоему гражданскому согласию на эту тему, эта тема не сдвинется с мертвой точки. А в отношении людей, которые работают нормально, честно, негосударственные пенсионные фонды сегодня довольно эффективны. Потому что, что бы там ни говорили, а восемь миллионов людей добровольно участвуют в негосударственной пенсионной системе. Пусть это немного, с точки зрения их доли во всем населении, но это уже очень заметно на нашем рынке. Нужны подходы, инструменты убеждения, чтобы убеждать людей, которые найдут и фонды, и страховые компании. Надо потихоньку менять наше правовое и гражданское создание. Наверное, это долгий путь.

И. Виттель:

Спасибо. А года хватит?

О. Голодец:

Нет.

И. Виттель:

Не хватит. Про налоговый режим мы поговорим уже, наверное, в рамках другой дискуссии. Я действительно присоединяюсь к мнению о том, что на сегодня это была одна из самых содержательных дискуссий. Хотел бы, чтобы мы еще раз поблагодарили участников дискуссии бурными аплодисментами. И надеюсь, что 30-летние все-таки будут получать хоть какую-то пенсию. Ну, а какую, мы через год, наверное, посмотрим.